

А.А. Демидов

Дом с заколоченными ставнями или "ein wunderlich Kapitel"

In Abgeschiedenheit	Угрюм и отрешен
Nach Berge and Wälders Ruh	Уходит он один.
Gehst weg du, Monch, allein	Надвинув капюшон
Von städtische Getue.	Уходит бернардин.
Schickt heilige Bernard	Уходит в высоту
Archängelische Schütze,	Архангельских лесов,
Seist ernst, mein Sohn, seist hart	Оставив суету
In grauer Kapuze.	Имперских городов.

В далекие годы, 25 лет назад в маленькой группе московских антропософфов родилась идея осваивать русский север, Архангельский край, называвшийся раньше страной святой Софии. Там, вдали от городов, вдали от полицейского надзора надеялись мы основать поселение с биодинамическим сельским хозяйством. Мы предчувствовали, что страной святой Софии станет когда-нибудь вся Россия.

В сером плаще с капюшоном бродил я по диким лесам в надежде найти что-нибудь подходящее, ночевал под большими деревьями, в брошенных домах, пещере. Эти вступительные стихи о странствующем монахе - бернардине были написаны в то время, когда я ещё не знал, что бернардинцы - это те же цистерцианцы, которые сопровождали детство Рудольфа Штейнера. Не знал я и того, что бежавшие от подножия константинопольской Софии изгнанники Юстиниана Великого, странствующие философы и аскеты основали в Монте-Кассино бенедиктинский монастырь из которого поток христианизированного эллинизма через Цито и Клуни, Шартр и Клерво влился в обновленное средневековое католичество. Лишь ненадолго вспыхнул этот импульс и в моей стране: когда, клюнийские молчальники общались жестами, а знаменитый Хильдебрандт ещё изучал каноническое право в Кёльне, - киевский князь Ярослав Мудрый (т. е. Софийский) строил на Руси величественные Софийские соборы во всех главных городах. Храмовые земли на севере и называли тогда страной святой Софии. Но вскоре это имя почти исчезло из церковного обихода, и лишь в начале 20, конце 19 веков, Софиология возвращается вновь. Не ненадолго. Хаос революции, разгром Церкви, разгром внутренних духовных основ. Всё надо восстанавливать заново. Мы - поколение восстановителей. Идея уходить в народ не нова, но сто лет назад уходили с целями марксистской пропанды разрушения и насилия: теперь с целью восстановления разрушенной духовности.

Таково было настроение нашей антропософской молодости - настроение отрешенности и отчаяния. В 60 - 70-ых годах почти никаких надежд на развитие

духовной науки не было. Вообще - почти никаких надежд.

Конечно, две войны и революции сделали свое дело разрушения и в Европе. Но это все-таки не так страшно, когда твою страну разрушают неприятельские армии: куда страшнее, когда народ, подпав под суггестию демонизированных интеллектуалов САМ разрушает свой собственный дом, храмы своих отцов, дворянские гнезда-усадьбы, разрушает тысячелетнюю основу жизни, которую век за веком создавали усердные руки предков. Разрушает даже в мирное время.

Это статья о сельском хозяйстве, но проблема здесь прежде всего - социальная. Вообще трагедия России - трагедия духовная, а не материальная, это трагедия сознания, а не внешних обстоятельств. Для русского человека нет большего врага, чем он сам. Это можно наблюдать и в поле, и в парламенте, и в доме литераторов. Есть русское выражение: "без царя в голове". Отсутствие "царя в голове" вынуждает иметь его вовне как самодержца или президента. Отсутствие внутреннего центра самоконтроля и самоуправления вызывает потребность иметь этот сильный, властный центр в Москве. Но ритмы развития отдельной индивидуальности и народа в целом никогда не совпадают. И для духовного развития отдельного человека, особенно интеллигента централизация, унитаризм очень вредны. В то время как для постепенного развития народа в целом - они необходимы. Первое, было очевидно для российской интеллигенции, элиты, так как касалось её самой. И вот уже два века она истерически сопротивляется централизации, да и всякой государственности вообще. Она в измененной форме повторяет опыты удельной Руси, когда не хотели слушать великого князя и получили хана, не хотели столицы в Киеве, и получили её в забайкальском Каракаруме. Только - русское земство - местные чиновники, врачи, агрономы, землемеры - во второй половине XIX столетия отчасти осознало, что "Так надо" и с достоинством, честно тянуло лямку повседневной государственной службы.

Что же было таким центром духовной кристаллизации в деревне? - дворянская усадьба и церковь. В усадьбах были огромные библиотеки, музыкальные инструменты, там "знали европейские языки, вокруг усадеб строились (часто на средетва помещика) церкви, школы, училища и больницы, усадьба связывала неграмотный народ с ценностями европейской, национальной и общечеловеческой культуры, всё это было разграблено, сожжено, в лучшем случае оставалось "домом с заколоченными окнами". Да, по истине эти "окна в Европу", прорубленные ещё Петром Великим были усердно заколочены большевиками, да им еще кое кто помогал с той стороны. Некоторые из оставшихся усадеб стали резиденциями марксистских вождей пролетариата: Троцкий занял Архангельское, Ленин - Горки, другие стали санаториями, изредка музеями.

Означает ли это, что надо восстанавливать дворянское землевладение? Конечно, нет. Надо восстанавливать уровень сознания, а не сословия, да и есть поколение восстановителей. А как же церковь? Конечно, она тоже должна быть полностью восстановленной. Храм в каждом селе. Но вот вопрос: сможет ли церковь влиять на народ как и 150-200 лет тому назад? Ведь методы её положительного воздействия не изменились, а время ушло вперед. В каждом крестьянском доме вместо икон или вместе с иконами - телевизор - окно в inferнальный мир. Сможет ли древняя церковь

справится со злом в одиночку? И надо ли ей поэтому стремиться к исключительности, преследовать религиозное инакомыслие, становится государственной? Как и в 19 веке это могло бы только усугубить разрыв в обществе.

Итак, усадьба была основным центром кристаллизации в деревни, и не так уж важно, кем был "барин", православным христианином, католиком, лютеранином, мартинистом, мальтийцем, розекрейцером или нео-тамплиером; ведь каждая душа ищет свою кармическую нишу. Важнее, что он был культуртрегером, носителем общечеловеческих ценностей в той или иной форме. Кроме барина, священника, учителя - деревенской интеллигенции был и другой слой, другой полюс со знания: знахари, колдуны, ведьмы, иногда сектанты, - хранители пришедших в упадок, древнейших тайных народных традиций. Из этих носителей ценностей общечеловеческих, европейских, греко-византийских и чисто национальных сплеталась духовная ткань деревенской общины на основе совместного проживания и обработки земли. Основу хозяйственной жизни составляли крепкие хозяева общины, которым в последнее десятилетие перед революцией разрешили отделяться и образовывать совершенно самостоятельные хозяйства. Их называли "кулаки"- "фаусты".

В советское время все эти звания, последовательно разрушались. "Центрами кристаллизации" стали клуб, контора и магазин. В 1918-21гг. были уничтожены дворянские и крупные крестьянские хозяйства, земля национализирована. Частным "собственником" земли по существу стал комиссар с наганом, а потом - чиновник с авторучкой. В 1929-33гг проведена массовая коллективизация, спланированная ещё Троцким, осуществленная Сталиным, Ягодой - начальником органов НКВД и Тухачевским - карателем крестьянских восстаний. Выслано и уничтожено свыше 10.000.000 зажиточных крестьян, "кулаков"- "фаустов". 1918-1941 гг. происходило массовое истребление священников и закрытие храмов. К концу 19 века в России числилось около 37.000 приходов и 80.000.000 православных. Кроме того было свыше 10.000.000 католиков, 4.500.000 лютеран, 12.200.000 реформатов, 4.000.000 иудеев и свыше 11.000.000 магометан. Подавляющее большинство населения проживало в деревнях. К 1977г. эти цифры возросли. Но к 1939 г. в стране осталось всего 100 действующих храмов, а из примерно 190 епископов в живых и на свободе осталось только 4. В этот период Россия дала миру больше мучеников и исповедников, чем вся предыдущая история всей христианской Церкви. Также беспощадно уничтожали и представителей других конфессий. И все же в целом народ не смогли запугать: при переписи населения в 1937 г. половина городского населения и две трети сельского объявило себя верующими.

В 1956-1964гг начались реформы Хрущева в деревне: повсеместные посадки кукурузы вместо зерна, налоги на скот и садовые деревья, урезание приусадебных земель, бессмысленное освоение целины в Казахстане за счёт Центральной России, начало закупок зерна в Канаде. После войны в стране было открыто 13.500 православных приходов, но Хрущев закрыл и разрушил 5.000 из них.

В 1970-1983гг началось брежневско-андроповское наступление на "малые деревни",

планировалось уничтожить более 500.000 небольших деревень. Насильно переселяют людей в укрупненные сёла, в многоквартирные дома, окончательно отрывают крестьянина от земли и превращают в рабочего. Деревень при этом разрушили больше, чем во время войны. И наконец, это безумие достигает апогея, когда начинают осуществлять поворот великих северных рек. Зоны затопления при этом должны были превысить размеры нескольких европейских стран...

В 1980г. мне удалось купить дом на Севере в "стране святой Софии". Я был поражен повсеместным запустением. Разваленные, недозорванные замусоренные храмы, разрушенные дома, брошенные строения, техника, заростающие лесом поля, вымирающее население . И так - на огромных пространствах. Колючая проволока, лагерь. Сломанные шлюзы времён Петра Великого. Дороги, превращенные в трясины. Однажды с другом мы случайно зашли в соседнюю деревню. Там местный житель, старик-рыболов встречал своего родственника - полковника МВД. Разговор зашёл о нас, о нашем доме: мы, горожане, купив, спасли его от разрушения. "Ведь они заселили, теперь дом не пропадёт" - убеждал старик. "Пусть пропадает"- резко возразил полковник. Да, такова была установка властей ко всему, что касалось "фауста"- "кулака" , крестьянина-индивидуалиста, да и всей крестьянской прослойки вообще: "Пусть пропадает!". Не нужно свободного крестьянина, а горожанин, ставший крестьянином опасен вдвойне: ведь он образован, он почти "барин", носитель иного уровня сознания. И образ жизни у него почти как у барина: зимой он в городе, весной, летом и осенью - в деревне. А что же им было нужно? Бесправный, неимущий сельхозработчий, почти раб, крепостной, оторванный от земли и загнанный насильно на этажи многоквартирного государственного сарая. Вопрос о покупке мною дома был поставлен даже на бюро райкома - ведь покупать дома горожанам было запрещено, однако дом устоял. Зато появились гидрологи и стали бурить скважины. Объявили, что по государственному плану все эти земли затопит, так как нашу реку Онегу будут поворачивать вспять. Затопит город, множество деревень, целый район. Люди забеспокоились. Но, наконец, настала перестройка.

Конечно и здесь крестьянам досталось. Перестройка в деревне была бестолковой, совхозно-колхозное имущество попадало в руки сельского начальства и их родни. Нормальное земельное законодательство до сих пор не принято парламентом, но все-таки это лучше, чем могло бы быть. Интенсивно развивается частный сектор, в деревнях и сёлах строят много новых домов, больше стало скота у частных, а главное - импорт зерна сменился, наконец экспортом. У народа начал пробуждаться здравый смысл: машины и запчасти не валяются как прежде на свалках, их прибирают и хранят или продают. Сейчас очень модно ругать и проклинать правительство, а на деле оно почти вывело страну из глубокого кризиса и является надежным гарантом евро-азиатской стабильности. Но вернемся еще раз в прошлое.

В книге "Ожидающая культура" Г. А. Бондарева, который 29 лет назад помог мне познакомиться с Антропософией, есть прекрасный, данный Р.Штейнером образ: Фауст учит Гамлета в Витенберге, при этом присутствует некий Ангел, который улетает на Восток. А в одном из диалогов "Фауста" Гёте можно предположить и намёк на пути

восточно-европейской культуры:

Faust:

Hat die Natur und hat ein edler Geist

Nicht irgend einen Balsam ausgefunden?

Mephistopheles:

Mein Freund, nun sprichst du wieder klug!

Dich zu verjüngen, giebt's auch ein natürlich Mittel;

Allein es steht in einem andrer Buch,

UND IST EIN WUNDERLICH KAPITEL.

Faust:

Ich will es wissen.

Mephistopheles:

Gut! ein Mittel ohne Geld

Und Arzt und Zauberei zu haben.

Begiebt dich gleich hinaus aufs Feld,

Fang an zu hacken und zu graben,

Faust:

Das enge Leben steht mir gar nicht an

Mephistopheles:

So muh denn doch die Hexe dran.

Славянскому Фаусту совсем не обязательно продавать душу черту, пользоваться услугами ведьмы и всех белее современных оккультных акеессуаров. Унося из города наследие немецкого Фауста и градостроительницы Софии-Паллады, он возвращается в поле:

Begiebt sich gleich hinaus aufs Feld,

Fang an zu hacken und zu graben.

И здесь как раз уместно упомянуть и помянуть человека с которым мне довелось начинать работу на новой ферме по имени Bernard Hack.

Было бы долго и утомительно описывать как я временно оставил северный дом и переместился на 150км от Москвы, где сейчас и находится наша недостроенная ферма. Для этого пришлось бы написать целый приключенческий роман. Одно скажу - далось это нелегко. За день до получения земли мне приснился М.Горбачев в сером костюме. Он экспансивно жестикулировал, подпрыгивал и зависал в воздухе. Не смотря на некоторый комизм, мне стало понятно, что получением земли я обязан не только себе, но и ему.

Бернард Хак решил посетить эту землю. Мы долго шли по лужам - дело было веской, - пока не очутились на высоком холме, откуда открывался вид на старинный, полуразрушенный храм Христа-Спасителя. "А вон там жил барин?" - показал Бернард на храм. "И ты тоже хочешь быть барин?" Я не стал доказывать Бернарду, что не дворянское землевладение хотим мы восстанавливать, а уровень сознания. Да, Бернард не всегда все понимал в России. Тем не менее он помог мне в самом начале, он отдал работу у нас и в Болотово - семь последних лет жизни, и я с благодарностью чту его память.

Однажды летом, несколько лет назад группа гостей из Германии посетила наше хозяйство и была шокирована. Они ожидали увидеть здесь парадиз на западный манер, а увидели сарай из веток, необустроенный вагон, беспорядок и нищету. Они остались недовольны. Они строили свое суждение, основываясь на западных привычных шаблонах. Но по нашим меркам это был тогда колоссальный успех: получить 75 га земли, из них 17 га в собственность, создать поселение, содержать технику, обрабатывать землю и даже собирать иногда урожай, тогда как на ближайших дачных участках по 0,06 га заслуженные люди, военные пенсионеры в ранге полковника спорят иногда на меже из-за нескольких квадратных метров! Что ж, они сами создали себе такую тесноту. У нас же всё было ново и грандиозно. Но окна дома так и оставались заколоченными... В 1993г. вице-президент Руцкой заявлял, что фермерство - это тупик. Мы пережили две микрореволюции 1991 и 1993 гг. Иногда я сам удивляюсь как ферма до сих пор существует? Почему удалось выжить в течение 7 лет? Несколько лет назад в Москве прошёл конгресс с названием "София вернётся". В это хочется верить. Хочется верить, что София вернется в наш русско-европейский Дом с заколоченными ставнями.

Allein ez steht in einem andrer Buch,und ist ein wunderlich Kapitel Das Ewig-Weibliche ziet uns hinan.

Alexander Demidow

